

ЧИТАЙТЕ ДРУГИЕ КНИГИ СЕРИИ

САРА ДЖИО. ФИАЛКИ В МАРТЕ

САРА ДЖИО. ЛУННАЯ ТРОПА

САРА ДЖИО. НАЗАД К ТЕБЕ

САРА ДЖИО. УТРЕННЕЕ СИЯНИЕ

МАРИЯ МЕТЛИЦКАЯ. ЦВЕТЫ И ПТИЦЫ

МАРИЯ МЕТЛИЦКАЯ. ПОСЛЕ ИЗМЕНЫ

МАРИЯ МЕТЛИЦКАЯ. ТО, ЧТО ИМЕЕТ ЗНАЧЕНИЕ

МАРИЯ МЕТЛИЦКАЯ. ГОРЬКИЙ ШОКОЛАД

МАРИЯ МЕТЛИЦКАЯ. СЧАСТЛИВАЯ ЖИЗНЬ
ВЕРЫ ТАПКИНОЙ

МАРИЯ МЕТЛИЦКАЯ. НЕЗАДАННЫЕ ВОПРОСЫ

МАРИЯ МЕТЛИЦКАЯ. МИЛЕНЬКИЙ ТЫ МОЙ

КЭРРИ ЛОНСДЕЙЛ. ЛАЗУРЬ НА ЕГО ПАЛЬЦАХ

КЭРРИ ЛОНСДЕЙЛ. РАЗБИВАЯ ВОЛНЫ

МАША ТРАУБ. ОСТОРОЖНО - ДЕТИ!
ИНСТРУКЦИЯ ПО ПРИМЕНЕНИЮ

СОФИ КИНСЕЛЛА. УДИВИ МЕНЯ

Всем сестрам. . .



Алла Ивановна была суетливой хлопотуньей — а куда деваться бедной вдове, машинистке без «верхнего» образования, имеющей на руках двух половозрелых дочерей? Дочерей звали Галочка и Лялечка. И надо сказать, создатель явно схалтурил — девицы получились как на подбор неказистые.

Лялечка была старшей. Худая до костлявости, с хрящеватым длинным носом, маленьким узким ртом и неясного цвета глубоко посаженными мелкими глазками. Галочка, наоборот, была дебелой, рыхлой, очень белокожей, что называется, без бровей и ресниц. Нос среднерусский, картошкой. Глаза блеклые. Грудь, живот, ноги — все от сорокалетней расплывшейся тетки.

Алла Ивановна, кстати, была еще очень симпатичной дамой — мелкая, стройненькая, тем-

Мария Метлицкая

ные глазки, темные кудряшки, носик пимпочкой, губки бантиком. Взгляд наивный, но с металлом. Понятно, жизнь — нелегкая штука.

У Аллы Ивановны была идея — пристроить двух своих кулем замуж. А что, понятное для матери желание — увидеть детей в благополучии и достатке. Тема была для Аллы Ивановны очень болезненной. Потому что ничего не получалось, все напрасно. Подключены были соседи, коллеги по работе, родственники — близкие и дальние, знакомые, знакомые знакомых, знакомые знакомых знакомых, случайные попутчики — в метро, трамваях и поездах... Все в «молоко». Но Алла Ивановна не отчаивалась и продолжала свою бурную деятельность. Правда, сил оставалось все меньше, а надежды становились все призрачней.

Однажды на курорте попался один на крючок. Почти. Но в последнюю минуту сорвался и этот хлипкий очкарик, дефилировавший по вечерней набережной в сопровождении необъятной мамыши в соломенной шляпе с красной розой.

Сколько сил тогда Алла Ивановна потратила! Сколько сил! Как заливалась соловьем, нахва-

ливая пестрые кримпленовые платья этой самой мамаша, Клавдии Петровны. Делала комплименты ее безобразному жидкому перманенту, ее дешевым украшениям с красными и розовыми камнями — бр-р, безвкусица! Восхваляла ее сына-недоумка: ах, какой у вас чудный мальчик, чудный, прелесть! Не пьет, не курит. Студент, скромняга. А какой сын!

Клавдия Петровна важно кивала и соглашалась. Видно, и впрямь думала, что ее Вадик — завидный жених. Сам же Вадик был робок, молчалив и безынициативен, молча шел рядом, хмыкал носом и без конца протирал крупные старомодные очки с сильными диоптриями.

Тогда Алла Ивановна его и подтолкнула к Лялечке. Они даже сходили втроем в киношку: Лялечка, малахольный Вадик и, конечно, Клавдия Петровна. Куда же без нее?

На следующий день Алла Ивановна сладко улыбалась на пляже и, сидя под грибком, уговаривала мамашу.

— Ну, пусть дети побудут немного вдвоем, — медовым голосом ворковала Алла Ивановна. — Пусть сходят вечером в парк или на танцы!

Мария Метлицкая

Клавдия Петровна была непреклонна.

— Аллочка Иванна! — строго отвечала она. — Мой Вадик не так воспитан!

Алла Ивановна скрежетала зубами и мило улыбалась.

— Ну, не на танцы же вам вместе с ними идти! — с кислой миной говорила она.

— А Вадику на танцах делать нечего, милая моя. Вадик у меня человек серьезный. Студент!

Это она намекала на то, что Лялечка без высшего. Стерва. Через неделю Вадик обгорел до пузырей и совсем скис. Сидел в тенечке под платаном со страдальческой физиономией и разглядывал в бинокль фигуристых девок в купальниках. На Лялечку — ноль внимания, словно ее и нет.

Алла Ивановна обиделась, подхватила дочек и перебралась на другой конец пляжа. А встретившись с Клавдией Петровной на вечернем променаде, надула губы и отвернулась.

Дни-денечки между тем утекали. Лялечке было уже двадцать восемь, а Галочке — двадцать шесть. По вечерам Алла Ивановна, лежа в спальне, мысленно разговаривала со своим покойным мужем. Муж ее покойный был чело-

веком очень умным. Только вот сгорел от рака печени в три месяца, как Алла Ивановна ни билась.

Муж служил в министерстве, на хорошей зарплате. Путевки, заказы — как сыр в масле каталась. А не стало его — выживай как знаешь. А как? Да так — девицам лучшие тужельки импортные, конечно, платья — только у хорошей портнихи, шубки, шапочки, сережки золотые в уши... Билась как рыба об лед. Халтурила ночью, набросив на дверь ватное одеяло, чтобы девочки спокойно спали и пишущая машинка их не тревожила. Ночей недосыпала. С ног валилась. Но у дочек — все самое лучшее. Себе юбки перешивала, перелицовывала. Совсем уже было отчаялась — и тут ей судьба выбросила Никодимова.

Вместе стояли в универмаге за ангорскими костюмами. Все нервничали, большие размеры, как всегда, кончались. Алла Ивановна нервничала тоже. А как же? Лялечке костюм достанется, а Галочке? Обидно же будет. Никодимов стоял в очереди перед ней. Широкий, как шкаф, лицо красное, полное, руки крепкие, крестьянские, лысоват, нос картошкой. В пальто, шляпе

Мария Метлицкая

и с портфелем. Дядька и дядька. Но если приглядеться — представительный. По-провинциальному, конечно (то, что он приезжий, Алла Ивановна поняла сразу).

— За костюмчиком тоже? — осведомилась Алла Ивановна. — Вот жене подарок будет!

Он мотнул головой:

— Сестре. Разведен я.

Алла Ивановна не в меру возбудилась.

— И что, проездом в Москве? — интересовалась она.

А что удивительного? В очереди люди всегда общаются. Постоишь часа два или три... Никодимов устал, хотел есть и пить, в пальто было невыносимо жарко. Очереди он ненавидел, впрочем, как всякий мужик, Москву не любил и слегка презирал, как всякий провинциал. Хотел домой. Очень хотел домой. До дрожи. Хотя дома было тоже мама не горюй.

Никодимов жил на кухне в шесть квадратных метров. Это после развода. Бывшая жена Зинаида занимала комнату четырнадцати метров. Она, их общая с Никодимовым дочка Любашка и новый Зинаидин муж Митрофанов, водитель

автобазы номер пять. Хам и свинья. Под стать бывшей супруге Зинаиде, чтоб ей...

На ночь Никодимов разбирает на кухне раскладушку. Митрофанов вставал в шесть утра и начинал жарить яичницу. Горячие масляные брызги со сковородки летели Никодимову на лицо. Он укрывался с головой одеялом. В совмещенный санузел тоже было не попасть. Там Зинаида минут сорок строила на голове из белых, травленных до безжизненности паклевидных волос замысловатую башню. Дочка Любашка, позевывая, выходила на кухню без «здрассте» и «доброго утра». Хотя какое там доброе утро? Покой наступал только вечером. Все утихомиривались, и Никодимов читал газеты и пил на кухне чай.

Сестра — добрая душа — звала жить к себе. Но у нее самой — семеро по лавкам и три малюсенькие комнатухи.

Вообще-то самое разумное в положении Никодимова было жениться, создать семью, так сказать. Но требовалась женщина свободная и с жилплощадью — а с этим было никак. Была одна, Вера, малярша, женщина хорошая, чисто-плотная, приятной наружности, — но жила со

Мария Метлицкая

старухой-матерью на восьми метрах. Еще имелась инженерша с комбината. Бой-баба. У нее была квартира — но в квартире жили еще два ее пацана. Тоже не вариант. Вот тебе и город невест. Это в песне хорошо поется, а поди устрой жизнь. И все равно хотелось домой.

Москва на него давила, плющила всей своей мощью и объемом.

Алла Ивановна смотрела на Никодимова, как удав на кролика.

— Ну вот, миленько. Уже совсем близко. И возьмем костюмчики, — приговаривала она и нервно посматривала на часы. Никодимов тоже посмотрел на часы и вздохнул.

— Торопитесь? — осведомилась навязчивая дамочка.

Никодимов мотнул головой; до поезда оставалось четыре часа, до костюмов — минут двадцать. Когда подошли к прилавку, Алла Ивановна схватила два костюма, больше в руки не давали, и попросила Никодимова взять второй для нее. Никодимов пожал плечом и взял деньги.

На улицу вышли одновременно.

— Ох, дайте дух перевести! — кокетничала Алла Ивановна.

Никодимов опять пожал плечом, дескать, пожалуйста, кто ж мешает. Он опять посмотрел на часы и подумал, что надо двигаться к вокзалу, да и перекусить где-нибудь по дороге, на вокзале цены кусаются.

— Послушайте, — вдруг обратилась к нему дамочка. — Как ваше имя-отчество, простите?

— Петр Степаныч, — глухо буркнул Никодимов.

— Так вот, уважаемый Петр Степанович, — затарахтела она. — Пусть мое предложение не покажется вам странным, ничего такого в нем нет. — Она взволнованно сглотнула слюну. — Так вот, дорогой Петр Степанович. Я предлагаю вам зайти на часок ко мне, я тут рядом, в десяти минутах ходьбы, если быстрым шагом, то и за семь можно. Чаю попьем, дух переведете, отдохнете до поезда — ну что вам, право слово, на вокзале обретаться?

Никодимов вздрогнул и повел плечом:

— Неудобно как-то, мы ведь совсем не знакомы.

Алла Ивановна, видя его растерянность, воспряла духом, подхватила Никодимова за локоть и, приговаривая: «Что вы, что вы, приличного

Мария Метлицкая

человека за версту ведь видно», потащила его за собой.

«Чего ей от меня надо? — удивлялся Никодимов. — Чудная какая-то дамочка. Может, чокнутая?»

До дома Аллы Ивановны дошли и вправду минут за десять. Дом был мощный, кирпичный, с хорошим ухоженным двором. Поднялись на шестой этаж, и Алла Ивановна открыла ключом массивную, обитую серым дерматином металлическую дверь.

Пока Никодимов раздевался в прихожей, Алла Ивановна уже всю хлопотала на кухне. Никодимов вымыл руки, и Алла Ивановна протянула ему маленькое махровое полотенце.

«Ничего себе хата! — удивлялся Никодимов. — Комнаты три, не меньше. Коридор метров десять. Ванная в розовой плитке. Ничего не понимаю. Может, она вдовица? Старовата, конечно, но юркая. И чего это она так старается?»

Когда Никодимов зашел на кухню, на столе уже стояла тарелка борща с жирным пятном быстро таявшей сметаны. Никодимов сглотнул слюну.

— Присаживайтесь, — любезно предложила Алла Ивановна. — Не откажитесь, прошу. Что там чай? Вы мужчина крепкий, крупный, надо и подкрепиться по-серьезному.

Отказаться сил не хватило. Никодимов сел за стол и, стесняясь и краснея, стараясь не чавкать, начал осторожно есть борщ. После борща ему подали котлеты с макаронами.

Наевшись, Никодимов вальяжно откинулся на стуле и спросил Аллу Ивановну почти грозно:

— Что-то не пойму я вас. Женщина вы с виду приличная и неглупая, а вот домой к себе незнакомого человека тащите, да еще и не москвича. Не боитесь?

Алла Ивановна присела на стул, откинула рукой кудряшки со лба и спокойно сказала:

— Представьте себе, не боюсь. Я людей насквозь вижу.

Она встала и поставила на газ чайник. Молча убрала посуду со стола, пододвинула Никодимову большую синюю, с золотым ободком, чайную чашку, тонко нарезанный лимон и конфеты «Мишка на Севере». Потом опять присела, опустила глаза и тихим голосом сказала:

Мария Метлицкая

— Дело у меня к вам, Петр Степанович. Очень серьезное дело.

«Костюм сестрин попросит отдать, — испугался Никодимов. — Спекулянтка, наверное. Хотя нет, не похоже». Да кто их знает, много ли спекулянтов видел Никодимов на своем веку?

А Алла Ивановна продолжила:

— Кривить душой и прикидываться не буду, — важно сказала она. — Времени у вас на это нет. А есть у меня к вам предложение.

Она замолчала, встала со стула, подошла к плите и выключила чайник. Было видно, что она волнуется.

— Итак, — медленно произнесла Алла Ивановна и после затянувшейся паузы сказала: — У меня есть две дочки. Чудные девочки. Домашние, рукодельницы. Обе работают. Лялечка — в роно, в бухгалтерии, Галечка — в детском саду, методистом. Славные, начитанные, с хорошими манерами, — нахваливала свой залежалый товар Алла Ивановна. — Только вот в жизни не повезло. Не сложилось. Женихов было много, — отчаянно врала Алла Ивановна, — а вот не сложилось. По разным

причинам. Без подробностей. — И она строго посмотрела на притихшего Никодимова.

Никодимов смотрел на синюю чашку с золотым ободком.

Алла Ивановна громко вздохнула и проговорила:

— Мы с вами взрослые люди, чего уж там. Вы тоже, Петр Степанович, человек неустроенный, неухоженный — это же видно. В общем, — она нервно закашляла, — предлагаю вам фотографии девочек моих посмотреть — может, приглянется вам Лялечка или Галочка. — И, обессиленная, опустила на стул, нервно теребя в руках льняную салфетку.

Никодимов краснел и тупо молчал, не поднимая глаз от стола. Молчали минут десять.

— Ну вы даете, — наконец выдавил Никодимов. — А если я аферист какой? Брачный или просто так жулик? Как же можно так человека в дом звать и дочек своих предлагать?

— Что вы, что вы, Петр Степанович, я женщина опытная, людей насквозь вижу! Разве ж я первого встречного в дом бы позвала? Да вы меня обижаете, ей-богу!

Мария Метлицкая

Алла Ивановна громко высморкалась в салфетку, на глазах у нее выступили слезы.

Никодимов смутился:

— Да не хотел я вас обидеть. Просто странно все это как-то.

— А ничего тут нет странного, — оживилась Алла Ивановна. — Просто вы мне приглянулись, вот и все. Что ж тут странного? Знаете, в старину только по сватовству люди и женились. Никак иначе. По рекомендации.

— Ну, какая у вас на меня рекомендация... — протянул Никодимов.

— Я мать, мне виднее. Я насквозь мужчин вижу, так что вы, Петр Степанович, не обессудьте и обиду на меня не держите.

Никодимов пожал плечом. Алла Ивановна резво вскочила и выбежала в комнату.

Петр Степанович оглядывал кухню. Гарнитур импортный, точно. Плитка на полу чешская, не меньше. Люстра даже на кухне не пластиковая, из металла со стеклянными висюльками. Тюль импортный, с люрексом, Сирия, Зинаида о таком всегда мечтала. Это если в кухне так, что тогда в комнатах?